

УДК 316.351 + 316.347
DOI 10.18522/2227-8656.2022.3.14
EDN GIKHTI

Тип статьи в журнале – научная

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ
ИДЕНТИЧНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ЮГА РОССИИ:
ЭТНОГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

**REGIONAL FEATURES
OF THE SOUTH-RUSSIAN
POPULATION IDENTITY:
ETHNOGENDER
ASPECT**

© 2022 г.

*Л. В. Клименко**,
*З. А. Жаде***

© 2022

*L. V. Klimenko**,
*Z. A. Zhade***

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

** Адыгейский государственный университет,
г. Майкоп, Россия

** Adyghe State University,
Maykop, Russia

Цель исследования: рассмотрение этногендерной специфики современной идентичности населения полиэтничного Юга России.

Objective of the study is the consideration of the ethnogender specifics of the polyethnic South-Russian population modern identity.

Методологическая база исследования. В статье с опорой на материалы прикладного социологического исследования анализируются этногендерные особенности мы-идентичности населения трех субрегионов Юга России – Ростовской области, Адыгеи и Дагестана. В эмпирическом исследовании анализ структуры групповой идентичности населения Юга России осуществлялся с опорой на верифицированную в широком круге исследований методику измерения степени близости индивида по отношению к различным мы-группам (примордиальные, группы повседневного общения, широкие конструируемые общности). В отличие от я-идентичности, которая в большей степени основывается на рациональном осмыслении своего я, групповую идентификацию характеризует в большей степени аффективное отнесение к социальным группам и общностям.

The methodological basis of the research. Based on the materials of applied sociological research, the article analyzes the ethno-gender features of the we-identity of the population of three subregions of the South of Russia – Rostov region, Adyghea and Dagestan. In an empirical study, the analysis of the structure of group identity of the South-Russian population was carried out based on a methodology verified in a wide range of studies to measure the degree of closeness of an individual in relation to various we-groups (primordial, groups of everyday communication, broad constructed communities). Unlike self-identity, which is more based on a rational understanding of one's I, group identification is characterized to a greater extent by affective attribution to social groups and communities.

Результаты исследования. Проведенные эмпирические замеры показывают, что в целом женщины Юга России чаще, чем мужчины, отождествляют себя с группами повседневного общения (поколенческие, профессиональные, этнические), тогда как мужчины более склонны идентифицировать себя с большими конструируемыми общностями (граждане России, жители своей республики, население Северного Кавказа). Фиксируются более выраженные различия в структуре групповой идентификации гендерных подгрупп Ростовской области и более высокая степень совпадения мы-идентичности мужчин и женщин Адыгеи и Дагестана. Выявляется также, что независимо от пола русское население региона чаще себя идентифицирует по общегражданскому основанию, а среди республиканского населения выше удельный вес этнических и региональных (в Адыгее и Дагестане) и конфессиональных (в Дагестане) идентификаций. Несовпадение структуры идентификации населения по этногендерным сегментам может затруднять сплоченность жителей и интеграцию многосоставного региона.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим исследованием этногендерной специфики современной идентичности населения полиэтничного Юга России.

Ключевые слова: групповая идентичность, этногендерные группы, Юг России, республики Северного Кавказа, полиэтничность, интеграция

Research results. The empirical measurements carried out show that, in general, women in the South of Russia more often than men identify themselves with groups of everyday communication (generational, professional, ethnic), while men are more inclined to identify themselves with large constructed communities (citizens of Russia, residents of their republic, population of the North Caucasus). More pronounced differences in the structure of group identification of gender subgroups of Rostov region, and a higher degree of coincidence of we-identities of men and women of Adygea and Dagestan are fixed. It is also revealed that, regardless of gender, the Russian population of the region more often identifies itself on a general civil basis, and among the republican population, the share of ethnic and regional (in Adygea and Dagestan) and confessional (in Dagestan) identifications is higher. The discrepancy between the structure of population identification by ethno-gender segments can impede the cohesion of residents and the integration of a multi-component region.

Prospects of the study are connected with further research of the ethnogender specifics of the polyethnic South-Russian population modern identity.

Keywords: group identity, ethno-gender groups, South of Russia, republics of the North Caucasus, multi-ethnicity, integration

Постановка проблемы. В современной России не снижается значимость проблемы интеграции многосоставного социума, когда «огромные размеры российской территории; чрезвычайная разнородность общества: региональная, культурная, экономическая, этническая, религиозная; сложности социальной и личной идентификации, хронический разрыв между центром и периферией и т. д.» (Гофман, 2015. С. 30) препятствуют социальной сплоченности населения. Важнейшим ресурсом интеграции и устойчивого развития выступает непротиворечивая структура идентичности населения. Между тем в ситуации этнорегиональной сегментации групповая идентичность жителей государства характеризуется сочетанием национального, регионального, этнокультурного и дру-

гих компонентов, которые могут как конкурировать, так и взаимодополнять друг друга (Identity processes and dynamics ... , 2010; Brah, 1992).

Юг России традиционно отличается высокой степенью этнокультурной сегментации, на его территории расположено несколько национальных республик с разнородной этнонациональной и конфессиональной структурой населения. Поиск оснований интеграции многосоставных социумов приводит многих исследователей к обоснованию важнейшей интегрирующей роли общегражданской идентичности (Дробижева, 2015; Волков, 2017; Денисова, 2013). «В частной жизни человек живет своими повседневными заботами, но это не ослабляет его связь с обществом, с государством, и эта связь в той или иной мере проявляется в его идентичности» (Дробижева, 2020. С. 494). Поэтому солидаристское измерение многоуровневой идентичности жителей поликультурного макрорегиона попадает в фокус нашего рассмотрения. В качестве дополнительного ракурса исследования остановимся на сравнительном анализе структуры групповой идентичности этногендерных подгрупп населения Юга России.

Как отмечают исследователи, в северокавказских обществах процессы формирования и воспроизводства самоидентификации мужчин и женщин сопряжены с ощутимым воздействием «традиционной культуры: они осуществляются через распространение и личностную интернализацию ее принципов» (Курбанова, 2012. С. 12). В последние годы фиксируется также рост влияния конфессиональных факторов на самосознание республиканских жителей (Загирова, 2017; Стародубровская, 2019; Сиражудинова, 2012). Однако в групповом измерении данное влияние может быть различным. Поэтому в рамках настоящей статьи обратимся к рассмотрению этногендерной специфики современной идентичности населения полиэтничного Юга России.

Методика и эмпирическая база исследования. В социогуманитарном знании социальная идентичность чаще всего трактуется как «совокупность отнесения человека к различным социальным категориям: расе, национальности, классу, полу и т. д.» (Симонова, 2008. С. 46). Идентичность присуща как индивидам, так и группам людей, однако идентификация личности формируется и трансформируется в процессах групповых взаимодействий (Хантингтон, 2004). «Идентичности – это прежде всего когнитивно-эмоциональные процессы, связанные с социальным построением оценки себя другими и самим собой» (Bastos, 2010. P. 151). Природа социальной идентичности подвижна, с одной стороны, включена в социально-экономическую и институциональную динамику общественного развития, с другой – деконструируется под влиянием жизненных траекторий индивида.

В эмпирическом исследовании анализ структуры групповой идентичности населения Юга России осуществлялся с опорой на верифицированную в широком круге исследований (Ядов, 1993; Данилова, 2000) методику измерения степени близости индивида по отношению к различным мы-группам (примордиальные, группы повседневного общения, широкие конструируемые

общности). В отличие от я-идентичности, которая в большей степени основывается на рациональном осмыслении своего я, групповую идентификацию характеризует в большей степени аффективное отнесение к социальным группам и общностям.

Прикладное социологическое исследования проводилось среди населения трех территорий Юга России: Ростовской области, с урбанизированной инфраструктурой, относительно развитой экономикой и высокой степенью этнической однородности (около 90 % жителей – русские); Республики Адыгеи, с преобладающей аграрной экономикой, с большей частью сельского населения и третьей долей представителей титульного этноса (адыги); Дагестана, половина населения которого проживает в сельских районах со сложным этническим составом (из которых официально отнесены к коренным 14 народов), где преобладающими являются аварцы, даргинцы, кумыки и лезгины.

По стандартизированной анкете в 2021 г. было опрошено 400 человек в г. Ростове-на-Дону Ростовской области (91 % русских), 329 опрошенных в г. Майкопе Республики Адыгеи (92 % адыгов), 413 – в г. Махачкале Республики Дагестан (29 % аварцев, 20 % лезгин, 17 % даргинцев, 15 % кумыков, 9 % лакцев, 4 % табасаранцев). Выборка опросов – квотно-пропорциональная по основным социально-демографическим подгруппам населения.

Анализ материалов прикладного исследования. В ходе социологического исследования жителям Юга России задавался следующий вопрос: «О каких группах Вы можете сказать: “Это мы”? К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?». Респондентам предлагалось выбрать из списка не более пяти вариантов ответов или указать свой вариант. Проведем сравнительный анализ полученных результатов исследования по этногендерным сегментам.

Эмпирическая характеристика групповой идентичности опрошенных жителей Ростовской области демонстрирует, что в структуре отождествлений мужчин и женщин доминируют общегражданские, поколенческие и профессиональные компоненты. Далее по степени распространенности располагается указание близости с региональными, конфессиональными и этническими мы-группами. На этом фоне ростовские мужчины в большей степени, чем женщины, соотносят себя с гражданами России (60 % опрошенных среди мужчин против 50 % среди женщин), жителями Юга России (24 против 11 %) и Ростовской области (23 против 12 % соответственно). В то же время женщины чаще отмечают близость с людьми одного возраста (57 % – в первой группе против 72 % – во второй), профессии (44 против 58 %) и национальности (19 против 37 %) (рис. 1).

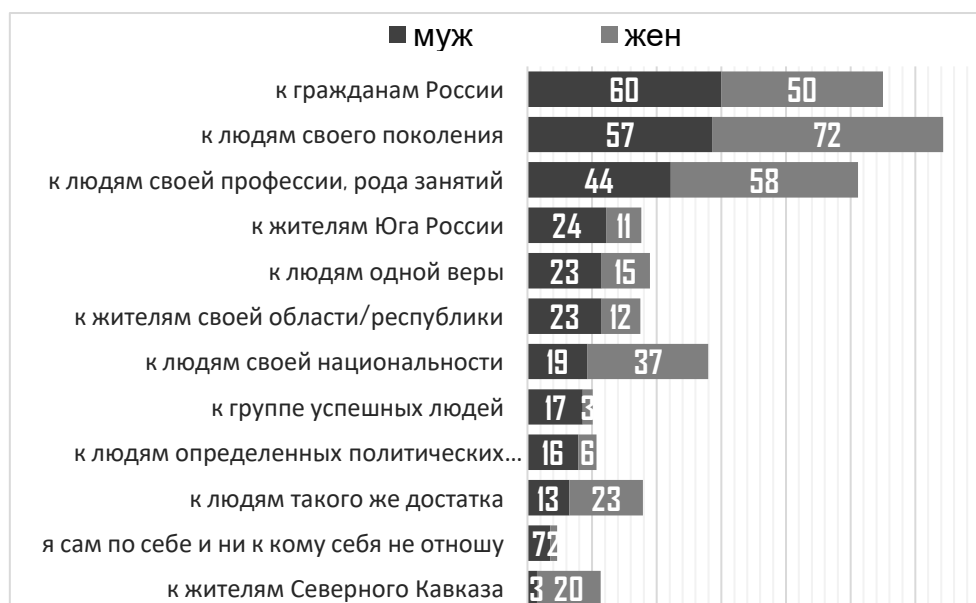

Рис. 1. Групповая идентичность населения Ростовской области

Опрос в Республике Адыгее показал, что здесь респонденты также чаще всего идентифицируют себя с группами повседневного общения, к которым относятся поколенческие и профессиональные общности. В то же время можно увидеть и этнорегиональную специфику, когда на третье по числу указаний место выходит этническая принадлежность. Подобная особенность идентичности представителей кавказских народов, для которых самоотождествление с этносом важнее, чем для русских респондентов, является устойчивой на протяжении последних десятилетий (Авксентьев, 2010; Денисова, 2013; Klimentko, 2021).

На четвертом месте располагается близость с жителями своей республики и только на пятом – общегражданская идентичность. Причем в последнем случае процентный разрыв с ростовским населением практически в три раза. Этногендерные особенности мы-идентичности среди опрошенных в Дагестане менее выражены, чем в ростовском сегменте. Вместе с тем можно увидеть, что для мужчин немного важнее оказывается республиканская идентичность. А у женщин более выражены представления о близости с общностями повседневного общения (профессиональные и этнические) и конструируемыми макрорегиональными (рис. 2).

Помимо важности поколенческой принадлежности, опрошенные жители Дагестана на второе по числу указаний место выносят чувство близости с гражданами России. Это их сближает с ростовским сегментом. Однако дагестанские респонденты, в отличие от населения других рассматриваемых субрегионов, чаще называют в качестве мы-групп жителей Северного Кавказа (третье по степени распространенности место) и людей одной с ними веры (пятое место). Разница между ответами мужчин и женщин здесь также не столь выражена, как среди ростовчан. Обращает на себя внимание большой

удельный вес в структуре идентификации мужчин таких конструируемых территориальных общностей, как граждане России (57 % – в первой группе против 43 % – во второй) и население Республики Дагестан (29 против 20 %). Среди опрошенных женщин данной республики немного выше выраженность конфессиональной и этнической идентичности, чем у мужчин (разница 6 %) (рис. 3).

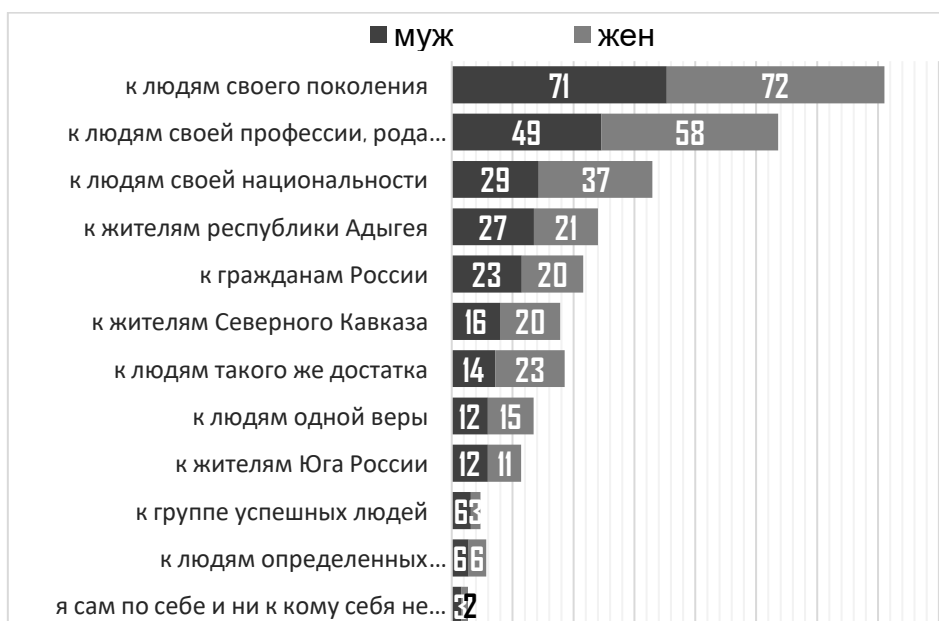

Рис. 2. Групповая идентичность населения Республики Адыгеи

Рис. 3. Групповая идентичность населения Республики Дагестан

Выводы. Исследование групповой идентичности показывает скорее эмоциональное восприятие близости людей с разными типами социальных общностей. Результаты опроса показали, что на фоне преобладания во всех сегментах поколенческих и профессиональных мы-групп, а также общегражданской идентичности (за исключением Адыгеи) в национальных республиках Северного Кавказа в большей степени распространены региональные, этнические (в Адыгее и Дагестане) и религиозные (в Дагестане) комплексы идентификаций. Эмпирическое изучение структуры идентичности этногендерных подгрупп фиксирует, что женщины Юга России в целом чаще, чем мужчины, отождествляют себя с группами повседневного общения (возрастные, профессиональные, этнические), тогда как мужчины более склонны идентифицировать себя с территориальными конструируемыми общностями (жители России, своей республики, Северного Кавказа). Выявляется более выраженная разница в структуре мы-идентичности мужчин и женщин Ростовской области, тогда как в республиканском сегменте отождествления гендерных подгрупп менее разнородны. Можно сказать, что несовпадение структуры идентификации населения по этногендерным сегментам может затруднять сплоченность жителей и интеграцию многосоставного макрорегиона.

Литература

References

Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 18–27.

Волков Ю. Г., Денисова Г. С., Курбатов В. И., Сериков А. В. Общероссийская и этническая идентичность на Юге России: соотношение и ресурсы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 156–161.

Гофман А. Б. Концептуальные подходы к анализу социального единства // Социологические исследования. 2015. № 11.

Данилова Е. Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76–86.

Денисова Г. С., Клименко Л. В. Особенности региональной идентичности населения Юга России // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 25–34.

Дробизева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4.

Avksentiev, V. A., Aksyumov, B. V. (2010). Portfolio of identities of the youth of the South of Russia in conditions of civilizational choice. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 12, 18-27. (In Russian).

Volkov, Yu. G., Denisova, G. S., Kurbatov, V. I., Serikov, A. V. (2017). All-Russian and Ethnic Identity in the South of Russia: Correlation and Resources. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*, 4, 156-161. (In Russian).

Hoffman, A. B. (2015). Conceptual approaches to the analysis of social unity. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 11. (In Russian).

Danilova, E. N. (2000). Changes in the social identifications of Russians. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 3/4, 76-86. (In Russian).

Denisova, G. S., Klimenko, L. V. (2013). Peculiarities of regional identity of the population of the South of Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 7, 25-34. (In Russian).

Drobizheva, L. M. (2020). Meanings of All-Russian civil identity in the mass consciousness of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 4. (In Russian).

Дробизжева Л. М., Рыжова С. В. Гражданская и этническая идентичность россиян: совместимость или противостояние // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь мир, 2015. С. 176–197.

Загирова Э. М. Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи // Известия Саратовского университета Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17, № 3. С. 298–303.

Курбанова Л. У. Гендерные аспекты самоидентификации личности чеченцев в трансформирующемся обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012.

Симонова О. А. К формированию социологии идентичности // Социологический журнал. 2008. № 3.

Сиражудинова С. В. Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. Ростов н/Д.: Азов Печать, 2012. 200 с.

Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 1. С. 39–56.

Хантингтон С. Кто мы? Вызов национальной американской идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004.

Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1993. № 3–4. С. 167–174.

Bastos S. From local inter-ethnicities to the dynamics of the world-system: identity debates between Portuguese and British Sunnis in Leicester // Identity Processes and Dynamics in Multi-Ethnic Europe. Ed. by C. Westin, J. Bastos, J. Dahinden, P Góis. IMISCOE Research series. Amsterdam University Press, 2010.

Brah A. Difference, diversity and differentiation. Race, Culture, Difference. Ed. by J. Donald, A. Rattansi. London, 1992. P. 126–145.

Identity processes and dynamics in multi-ethnic Europe. Ed. by C. Westin, J. Bastos, J. Dahinden, P Góis. IMISCOE Research series, Amsterdam University Press, 2010. 375 p.

Drobizheva, L. M., Ryzhova, S. V. (2015). Civil and ethnic identity of Russians: compatibility or confrontation. *Russian Society and the Challenges of Time*. Book 2. In M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov (Eds.). Moscow: Ves' mir Publ., 176-197. (In Russian).

Zagirova, E. M. (2017). Traditions and innovations in the institutional space of the Dagestan family. *Izvestiya Saratovskogo universiteta Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 17, 3, 298-303. (In Russian).

Kurbanova, L. U. (2012). Gender aspects of self-identification of the Chechen personality in a transforming society. (Doctoral Dissertation Abstract, Krasnodar). (In Russian).

Simonova, O. A. (2008). On the formation of the sociology of identity. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 3. (In Russian).

Sirazhudinova, S. V. (2012). Civil society, traditionalism and Islam in the North Caucasus. Rostov-on-Don: Azov Pechat' Publ. (In Russian).

Starodubrovskaya, I. V. (2019). The crisis of the traditional North Caucasian family in the post-Soviet period and its social consequences. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 17, 1, 39-56. (In Russian).

Huntington, S. (2004). Who are we? A challenge to national American identity. Trans. from English A. Bashkirova. Moscow: AST: Tranzitkniga Publ. (In Russian).

Yadov, V. A. (1993). Social and socio-psychological mechanisms of the formation of the social identity of the individual. *Mir Rossii*, 3-4, 167-174. (In Russian).

Bastos, S. (2010). From local inter-ethnicities to the dynamics of the world-system: identity debates between Portuguese and British Sunnis in Leicester. *Identity Processes and Dynamics in Multi-Ethnic Europe*. In C. Westin, J. Bastos, J. Dahinden, P Góis. (Eds.). IMISCOE Research series. Amsterdam University Press.

Brah, A. (1992). Difference, diversity and differentiation. Race, Culture, Difference. J. Donald, A. Rattansi (Eds.). London, 126-145.

Identity processes and dynamics in multi-ethnic Europe. (2010). In C. Westin, J. Bastos, J. Dahinden, P Góis (Eds.). IMISCOE Research series, Amsterdam University Press.

Kaufmann E., Zimmer O. In Search of the Authentic Nation: Landscape and National Identity in Canada and Switzerland // *Nations and Nationalism*. 1998. № 4 (4). P. 483–510.

Klimenko L. V., Zhade Z. A., Petrulevich I. A. Identity of the population of the multiethnic South of Russia in the context of societal integration of the macroregion // *Central Asia and the Caucasus*. 2021. Т. 26, No. 3. P. 145–156.

Для цитирования: Клименко Л. В., Жаде З. А. Региональные особенности идентичности населения Юга России: этногендерный аспект // *Гуманитарий Юга России*. 2022.3 (55). Т. 11. С. 167–175. DOI 10.18522/2227-8656.2022.3.14

Сведения об авторах

Клименко Людмила Владиславовна

Доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет

344019, г. Ростов-на-Дону,
ул. 23-я линия, 43,
e-mail: lucl@yandex.ru

Жаде Зуриет Анзауровна

Доктор политических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории
государства и права и политологии,
Адыгейский государственный университет

385000, Республика Адыгея,
г. Майкоп, ул. Первомайская, 208,
e-mail: zhadezura@yandex.ru

Kaufmann, E., Zimmer, O. (1998). In Search of the Authentic Nation: Landscape and National Identity in Canada and Switzerland. *Nations and Nationalism*, 4(4), 483-510.

Klimenko, L.V., Zhade, Z.A., Petrulevich, I.A. (2021). Identity of the population of the multiethnic South of Russia in the context of societal integration of the macroregion. *Central Asia and the Caucasus*, 26, 3, 145-156.

История статьи:

Поступила в редакцию – 18.05.2022 г.

Получена в доработанном виде –
29.06.2022 г.

Одобрена – 11.07.2022 г.

Information about authors

Lyudmila Vladislavovna Klimenko

Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Southern Federal University

43, 23^d Line St.,
Rostov-on-Don, 344019,
e-mail: lucl@yandex.ru

Zuriet Anzaurovna Zhade

Doctor of Political Sciences, Professor, Head
of the Department of Theory and History of
State and Law and Political Science,
Adyghe State University

208 Pervomayskaya St.,
Maykop, Republic of Adyghe, 385000,
e-mail: zhadezura@yandex.ru